

Театр начинается с драматургии. Уже один перечень пьес, идущих на сцене театра, сам по себе говорит о творческих устремлениях, вкусе, смелости или... осторожности коллектива. Облик театра определяется его репертуаром.

Наш корреспондент Людмила Кафанова обратилась к главному режиссеру Московского театра заслуженному деятелю искусств Латвийской ССР П. Хомскому с просьбой поделиться своими размышлениями о репертуаре театра юных зрителей.

жен деловой, доверительный разговор всерьез о том, как все это происходило в жизни, а не в выдуманной драматургом игрушечной «действительности». Мы отказались от пьес такого рода и обратились к произведению, не предназначавшемуся для детей, к пьесе Ю. Германа «За тюремной решеткой».

В основе ее — подлинный исторический факт. В 1902 году в Александровском центре — так называлась пересыльная тюрьма под Иркутском — заключенные обзавелись охрану, выгнали ее из тюрьмы. Несколько дней над Александровским

не полонит сердце нашего юного современника. Потому что это — тоже облегченный, причесанный и подведенный под стандартное представление вариант жизни. Мы намерены показать нашему зрителю героя иного плана — человека высоких нравственных качеств, он идет на подвиг, вовсе не воображая, что совершает героический поступок. Просто он выполняет свой долг. И в этой высокой ответственности перед жизнью, перед людьми, перед Родиной, перед самим собою, наконец, и заключен его подлинный героизм. Я имею в виду лейтенанта Травкина из повести Эм. Казакевича «Звезда». Инсценировку ее, сделанную М. Львовским, мы включили в репертуар.

В представлении ребят участники войны — это солидные дяди и тети. А ведь зачастую это были совсем молодые люди, почти сверстники тех, кто сидит в зале. Молоды герои повести Казакевича. Их переживание будут ближе и понятнее нашим зрителям. Этим спектаклем нам хочется сказать детям суровую неприкрашенную правду о войне, показать им подлинный героизм, лишенный внешней красоты, героизм тяжелых военных будней.

Когда рассказываешь о творческих замыслах театра, часто сталкиваешься с вопросом: «А обо всем ли можно говорить с детьми? Все ли можно сказать им?» Я лично полностью разделяю убеждение А. С. Макаренко, что нет такой темы, которую нельзя было бы доверить детям. Запретных тем для детского театра нет. Речь может идти только о том, как говорить.

Наши дети и умственно, и физически развиваются быстрее, чем предшествующие поколения. У них обостренное чувство правды, справедливости. Всякая фальшь, недоговоренностьстораживают их. Они хотят уважения и доверия, хотя, чтобы их не поучали, а вместе с ними искали ответов на сложные вопросы. К сожалению, бывают случаи, когда некоторые учителя требуют от искусства дидактики и рекомендаций на все случаи жизни. Но если мы согласимся с этим, то потеряем доверие своего зрителя, оттолкнем его. Ибо, как сказал Ушинский, «чего не требует душа дитяти, того она не может взять». Мы стараемся никогда не забывать этих слов.

ДОВЕРИЕ ЗРИТЕЛЯ

—Сезон, который начали мы в сентябре этого года, — сказал Павел Осипович, — сезон особенный, юбилейный. Отмечаая этапную дату жизни, люди обычно подводят итог прожитому и пережитому, стараются более точно и четко определить свои жизненные позиции, наметить путь в будущее. Именно в таких напряженных раздумьях о судьбах детского театра, об ответственности художника, творящего для детей, встречаем мы пятидесятый год существования нашего государства.

Пятидесятилетие ставит перед нами много острых и неотложных вопросов.

Прежде всего в репертуаре нашего театра должны быть произведения, рассказывающие о революционной борьбе русского народа. Как говорить с детьми на эту тему? Есть немало пьес, написанных для детского театра о революции, о гражданской войне. Однако большинство из них страдает какой-то удивительной облегченностью в подходе к историческим событиям, стремлением свести все сложные перипетии жизни к схеме: красные, — хорошие, белые — плохие. Авторы таких пьес, очевидно, забывают, что сведения по истории своей Родины подросток черпает и из хороших книг, и из серьезных кинофильмов. Он просто не желает смотреть специально для него состряпанную примитивную «липу». Ему ну-

централом развевался красный флаг. Организатором этого дерзкого отважного выступления был двадцатипятилетний Феликс Эдмундович Дзержинский.

Пьеса привлекла нас своей достоверностью. В ней показаны настоящие столкновения, живые и очень разные люди. Волею судьбы рядом, бок о бок, оказались большевики и анархисты, уголовники и студенты, рабочие, крестьяне, дети, словом, как бы вся Россия, данная в разрезе. Эта разношерстная масса кипит, клочочет, люди борются друг с другом, с охраной. У каждого своя жизнь, свои интересы. И, что важно, автор показывает не результат — восстание в тюрьме, а процесс. Подробно и кропотливо показывает, как сумели большевики превратить стихийное недовольство в организованное выступление.

Еще одна проблема — проблема героя, проблема старшего товарища, который мог бы служить примером. В детях, особенно в мальчиках, очень развита эта жажда обрести человека, который мог бы служить образцом, по которому можно было бы сверять свою жизнь. Они ищут его в жизни, в литературе, в театре. Какой же человек может увлечь сегодняшнего парнишку? Я убежден, что герой прямолинейный, однозначный, произносящий громкие трескучие фразы, с ходу совершающий подвиги,